

В.В. Десятов, В.Н. Карпухина
Алтайский государственный университет

**Что такое хорошо и что такое плохо?
О философских романах Бориса Акунина и Глории Му
«Детская книга», «Детская книга для девочек»**

Аннотация: В статье рассматривается относительность аксиологической шкалы у персонажей романов Бориса Акунина и Глории Му. В качестве предмета исследования выступает система интертекстуальных отсылок к произведениям русской и зарубежной литературы (в частности, к произведениям таких авторов, как Ф.М. Достоевский, М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, Дж.Р.Р. Толкиен, Л. Кэрролл, А. де Сент-Экзюпери, К.С. Льюис и др.), используемая Акуниным и Му для определения причин и последствий этой аксиологической релятивности. Переосмысление двух основных полюсов аксиологической шкалы в дилогии «Детская книга» рассматривается в статье как проблема не только для читателей, но и для авторов. Основная цель статьи – представить «недетскую» проблематику текстов новейшей детской литературы с позиций теории интертекстуальности и лингвоаксиологии.

The paper considers the relativity of the axiological scale in the characters of the children's books by Boris Akunin and Gloria Mu. The subject of investigation is the system of intertextual references to the works by Russian and foreign writers (e.g., by F.M. Dostoevsky, M.I. Tsvetaeva, O.E. Mandelshtam, V.V. Mayakovsky, J.R.R. Tolkien, L. Carroll, A. de Saint-Exupery, C.S. Lewis, etc.), which are used by Akunin and Mu to show the causes and consequences of this axiological relativity. The reconsideration of the two main poles of the axiological scale in the two related Children's Books is considered to be the problem both for the readers and for the authors. The main purpose of the paper is to present the «non-children's» issues of the latest children's literature from the viewpoint of the intertextuality theory and axiological linguistics.

Ключевые слова: детская литература, аксиологическая шкала, гендер, модели времени.

Children's literature, axiological scale, gender, time patterns.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366376. E-mail: galton67@yandex.ru, vkarpuhina@yandex.ru.

Только детские книги читать...

О. Мандельштам

Только детские книжки читать!

Нет, буквально, не «Аду» с «Улиссом»,

а, к примеру, «Волшебную зиму

в Муми-доле»...

А если б еще и писать!..

Тимур Кибиров

Объект исследования в данной статье – относительность аксиологической шкалы у персонажей романов Бориса Акунина и Глории Му. В качестве предмета исследования выступает система интертекстуальных отсылок к произведениям русской и зарубежной литературы, используемая авторами для определения причин и последствий этой аксиологической релятивности. Основная цель статьи – представить «недетскую» проблематику текстов новейшей детской литературы с позиций теории интертекстуальности и лингвоаксиологии.

В «Детской книге» Бориса Акунина (Григория Чхартишвили) фигурирует замаскированный под книгу «универсальный компьютер-ноутбук» [Акунин, 2005, с. 91] – «унибук». Саму «Детскую книгу» тоже можно было бы назвать «унибуком» в том смысле, что читать ее могут не только дети, но и взрослые. Ее простое название, как намекает наш эпиграф, восходит к поэзии Осипа Мандельштама, чьи совсем не детские стихи обыгрываются далее в тексте акунинского романа. Часть «Позавчера» начинается с того, что главный герой романа Эраст Фандорин-младший по прозвищу «Ластик» оказывается в 1605 году – в самом конце периода правления Бориса Годунова: «Ластика подхватили с двух сторон, положили на жёсткое, *прикрыли рогожей*¹. <...> Кинули на мягкое, пахучее, немного колкое. *Сено*. Поверх рогожи накрыли еще чем-то – вроде мешковиной.

– Пошла!

Скрипнули колеса, копыта зачавкали по грязи» [Акунин, 2005, с. 217]. Затем Ластика выдают Годунову за убитого царевича Дмитрия. Начало стихотворения Осипа Мандельштама:

На розвальнях, уложенных *соломой*,
Едва *прикрытые рогожей* роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой
[Мандельштам, 2009, с. 91].

Согласно давно устоявшейся интерпретации, в сюжете этого стихотворения отразилась поэтическая игра Марины Цветаевой и Мандельштама «на именах, связанных с историей Москвы. Отправное – Марина Мнишек, с которой отождествляла себя Цветаева, отсюда Мандельштам – Дмитрий-царевич и Дмитрий Самозванец...» [Мец, 2009, с. 554]. В романе Акунина происходит похожее «отождествление» с царевичем Дмитрием человека другой эпохи (Ластика). Появится на страницах акунинского романа и Дмитрий Самозванец – не только тезка автора (Григорий Чхартишвили, Гришка Отрепьев), не только человек того же, что автор, поколения, но и персонаж явно автору симпатичный.

Развиваются мандельштамовские аллюзии названием одной из глав части «Позавчера» – «Княжна Соломка» [Акунин, 2005, с. 281]. Трудно не вспомнить тут еще одного адресата любовной лирики Мандельштама – грузинскую *княжну* Саломею Андроникову (для друзей – «Саломку»). Стихотворение «Соломинка» было написано поэтом несколькими месяцами позднее, чем «На розвальнях, уло-

¹Курсив здесь и далее наш. – В.Д., В.К.

женных соломой...», и тоже вошло в сборник «Tristia»: «Соломка звонкая, соломинка сухая...» [Мандельштам, 2009, с. 95]. Юмор Акунина в том, что его княжна Соломка, в отличие от княжны Саломки, – не худенькая, а весьма упитанная.

«Недетская» проблематика затрагивается и в части «Завтра», где изображен постапокалиптический «рай». Иронический проект нелицеприятно будущего имеет, как положено прогнозу, во-первых, убежденного в своей правоте субъекта речевой деятельности и, во-вторых, верификатора [Циммерлинг, 1997, с. 341]. В качестве «авторитетного» эксперта выступает футурологическое существо среднего рода, верификатором, так и не оценившим техногенную цивилизацию, становится Ластик.

Одна из глав футурологической части называется «Наши» – прозрачная аллюзия на роман Ф.М. Достоевского «Бесы», где есть глава «У наших». Роман этот, разумеется, хорошо знаком Борису Акунину, который упомянул его уже в «Азазеле»: «Читали роман “Бесы” господина Достоевского?» [Акунин, 2002, с. 73]. Слово «наши» автор «Детской книги» выделяет курсивом:

– Так вы тут не один, то есть не одно? – встрепнулся Ластик. – Есть и другие люди?

– Конечно, есть. *Наши*, – добавил человек из будущего, как будто это слово имело какой-то особенный смысл [Акунин, 2005, с. 513].

«Нашими» в романе Достоевского именуются собственно «бесы», то есть революционеры. Тема бесовства ненавязчиво сопутствует и антиутопическому фрагменту «Детской книги». Предложение, служащее переходом к части «Завтра», выглядит так: «Ластик дернул головой, зажмурился и с отчаянным воплем, как головой в омут, ухнул в неизвестность» [Акунин, 2005, с. 495]. Этот омут, несомненно, намекает на поговорку «В тихом омуте черти водятся». Омут будущего, действительно, тих. Поговорка же слегка перефразируется в романе ранее, когда фокусник Дьяболини говорит Ластiku: «Я видел достаточно, чтобы понять: ваша душа глубокий омут, в котором водятся нешуточные чертенята. А может быть, даже очень большие черти» [Там же, с. 142]. Сравним начало части «Завтра»: «Отплевываясь, он вынырнул из холодной воды. В колодце было совсем темно. Наверху не светила луна, никто не свешивался через край, не обзывал «бесенышем»» [Там же, с. 498].

Согласно «Детской книге», после третьей мировой войны выжило меньше тысячи человек – но зато самые умные и либерально мыслящие: «Мнение каждого драгоценно. Невозможно себе представить, чтобы *наши* приняли какое-то решение, если оно не устраивает хотя бы кого-то одного» [Там же, с. 523]. Они перестали размножаться и превратились в андрогинов-полуроботов: «Я, например, собрано из профессора Магды Дженкинс, микробиолога, и доктора Итиро Ямады, специалиста по электронике» [Там же, с. 518]. Каждый из андрогинов будущего вечен, самодостаточен и живет в одиночестве: один на Карпатах, другой в Антарктиде, третий на дне океана и т.д.

Кажется, до сих пор никем не была отмечена такая обаятельная черта акунинской антиутопии, как ее автопародийный характер. Течение времени в этом мире прекратилось: «Теперь всегда 20 мая» [Там же, с. 509], то есть день рождения Г.Ш. Чхартишвили. Имя обитателя нового рая – «Магдаитиро Ямададженкинс» [Там же, с. 509]. Японская фамилия Ямада (намек на увлечение автора Японией) при чтении наоборот становится признанием: Адам я. Этот Адам уверен, что обретается в раю и поучает Ластика: «Чуть было добровольно не отказался от рая. Какая глупость» [Там же, с. 532]. Отразилось в образе Магдаитиро и увлечение автора старой Москвой: «Я, например, люблю возиться со стариной – приглядываю за Москвой...» [Там же, с. 518]. Имя «Итиро», видимо, маркирует социально-политические взгляды автора: Итиро Одзава – председатель Демократической партии Японии. Либерально мыслящий публицист Акунин пользуется такими понятиями как «Наш» лагерь и «противоположный стан» [Акунин, 2013а],

«Мы» и «Они» [Акунин, 2013б]. Соответственно, «наши» в «Детской книге» – это потомки «прогрессоров» (понятие братьев Стругацких, чей роман «Трудно быть богом» обожают Юрка Отрепьев, сам ставший одним из прогрессоров Лжедмитрием¹). Такая идейная конструкция вполне соответствует логике Достоевского, который сделал лидера «наших», «беса» Петра Верховенского сыном либерала Степана Трофимовича.

Детская литература, как правило, дидактична. Основной вопрос детской литературы сформулирован Владимиром Маяковским со свойственной ему прямолинейностью: «Что такое хорошо и что такое плохо?». Косвенные иронические отсылки к текстам Маяковского в «Детской книге для девочек» маркируют межгендерные отношения: хулиган Щур влюбляется в барышню² Полю (Гелю), вместо цветов дарит «букет» любимой ею морковки (ср. в поэме Маяковского «Хорошо!»: «Не домой, / не на суп, / а к любимой / в гости / Две морковинки / несу / за зеленый хвостик» [Маяковский, 1982, с. 314]). Для большинства детских писателей вопрос о том, что такое хорошо и что такое плохо, – на самом деле не настоящий вопрос, потому что ответ им хорошо известен (ср.: [Children's Literature..., 1995; Johnston, 2006]). В дилогии «Детская книга» это проблема не только для читателей, но и для авторов. Придавая иной масштаб основному вопросу детской литературы, Акунин закономерно обращается к древнейшему сюжету о первых людях, вкусивших плод с древа познания добра и зла. Сущность райского яблока в «Детских книгах» загадочна. Профессор Ван Дорн утверждает, что это квинтэссенция зла. Люсинда Грэй во второй части дилогии, напротив, уверяет Гелю, что райское яблоко – квинтэссенция любви. Унибук, но не унисекс: относительность представлений о добре и зле обусловлена гендерными характеристиками субъекта познания (ср.: [Segel, 2006]), один из основных сюжетов Священной истории интерпретируется мужчинами и женщинами по-разному.

Во второй части дилогии – романе Глории Му «по сценарию Бориса Акунина» «Детская книга для девочек» [Му, 2012], как и в первой части, всё время возникают ситуации затрудненного различения добра и зла. Так, Щур долгое время думает, что баба Яся добрая. Цели «двенадцатиюродных» (Ван Дорна и Люсинды Грэй) не становятся окончательно ясны читателю, прочитавшему оба романа, хотя тучи подозрений явно сгущаются. Наделенный холодным взглядом Василий Савельевич, которого многие считают святым, обожает свою дочь, но несправедливо и глубоко обижает ее недоверием. Комический вариант этой этической и аксиологической неопределенности – отношение разных персонажей к черной кошке, которая получает имя Силы Зла. Финалы романов остаются открытыми, вероятно, именно из-за отсутствия четких ответов.

Аксиологическая неопределенность истории проявляется в текстах дилогии за счет «нелинейного» представления чередующихся событий, в варианте определенного топоса, конструируемого или реконструируемого при временных изменениях. В более ранних романах Акунина единство топоса создается за счет «персонажа-наследника» – например, Николаса Фандорина, проезжающего по «местам боевой славы» своего предка Корнелиуса фон Дорна («Алтын-толобас»). В романе «Детская книга» единство топоса усиливается за счет персонального дейсиса: в «разновременных» главах романа действует один и тот же персонаж, Эраст Фандорин-младший, проникающий в иные времена через некие «хронодыры». То же самое происходит и во второй части дилогии: Геля Фандорина, подобно кэрролловской Алисе³, попадает в иную реальность – но не через кроличью

¹ Подробнее см.: [Десятов, 2010, с. 114].

² Ср. название сохранившегося фильма с В. Маяковским в главной роли – «Барышня и хулиган» (реж. Е. Славинский, 1918).

³ В тексте есть прямая цитата из перевода текста Л. Кэрролла на русский язык: «Все страньше и страньше» [Му, 2012, с. 53].

нору, а через ментальную хронодыру с помощью «сонолета» Люсинды Грэй (сам термин «хронодыра» появляется в этой книге только на предпоследней странице, когда его упоминает Ластик [Там же, с. 410]). Как объясняет юному персонажу таинственный профессор Ван Дорн, «Chronohole», или «хронодыра», – «это такой лаз, по которому можно попасть в другое время» [Акунин, 2005, с. 63].

Попадание Ластика в иные эпохи граничит с профанацией и карнавализацией идей искоренения Мирового Зла / Запретного плода. Аналогия «райского яблочка» с Кольцом Всевластья из эпопеи Дж.Р.Р. Толкиена для самого Ластика совершенно очевидна [Там же, с. 40], так же, как и актуализация толкиеновских текстов на рубеже XX – XXI вв. за счет их перевода на язык кинематографа. Важность данной аналогии подчеркивается параллелизмом отсылки к толкиеновскому тексту в «Детской книге для девочек»: злодейка Павловская, найдя булавку, подброшенную Поле Рындиной (= Геле Фандориной), расплывается в улыбке: «Моя прелесть!» [Му, 2012, с. 277], цитируя любимую фразу Горлума. В данном случае основным мотивом, важным для аксиологической шкалы персонажей (Ластика и Гели), становятся сверхвозможности, получаемые вместе с властью.

Б. Акунин использует сам термин *chronoholes* в ситуациях попыток целенаправленного исправления «неудачной ветви» истории, зачастую представленных в ироническом ключе. Именно этим и объясняется характер аксиологических временных моделей, использующихся в диалогии «Детская книга» (см.: [Карпухина, 2011; 2013]). Традиционное различие линейной и циклической временных моделей базируется на присутствии или отсутствии человека как точки отсчета в модели времени. «С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность однотипных событий, жизненных кругов (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Циклическое представление о времени отличает архаические цивилизации, развитие же представлений о линейном движении времени в первую очередь связано с формированием исторического сознания» [Яковлева, 1994, с. 97]. Исследователи склонны соотносить момент появления представлений о линейности времени к периоду зарождения христианского сознания [Яковлева 1994, с. 98; Арутюнова, 1997, с. 59; Рябцева, 1997]. Релятивность восприятия времени в романах Акунина связана и с относительностью аксиологических параметров для человека и человечества.

Признаки случайного или преднамеренного характера какого-либо действия являются признаками линейно воспринимаемого времени. С помощью хронодыр или определенного стечения обстоятельств «межвременные» путешественники Ластик и Геля совершают прорыв от бытового времени («времени частного человеческого существования, которое поддается счету, измерению, локализуется на «оси» отдельной человеческой жизни, планируется, ожидается, помнится и переживается» [Яковлева, 1994, с. 138]) к времени надбытовому, «подразумевающему исключительность описываемого. События этого времени выведены из круга повседневности, они ... уникальны, забываемы, особо значимы (соотносятся с духовной сферой человека)» [Там же].

Изменение скорости переживаемых «мгновений» позволяет Акунину устами профессора Ван Дорна выдвинуть гипотезу о том, что время в настоящем и прошлом движется с разной скоростью: «...Судя по вашим часам, экскурсия в 1914 год продолжалась триста восемьдесят шесть секунд. <...> У меня прошло... <...> Всего одна целая пятьдесят шесть тысячных секунды» [Акунин, 2005, с. 88]. Параллельный фрагмент встречается и в «Детской книге для девочек»: Фея Снов говорит Геле Фандориной, отправляющейся в 1914 год, что время в прошлом движется в 365 раз медленнее [Му, 2012, с. 57]. Последующие рассуждения Ван Дорна по поводу коэффициента различия скоростей движения («Примерно 365,25. Хм, это количество оборотов, которые Земля совершает вокруг собственной оси в течение года»), возможно, являются отсылкой к разнообразным вре-

менным моделям, обыгрываемым в «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери. Отсылки к тексту Экзюпери встречаются в «Детской книге» еще как минимум дважды, маркируя переломные моменты «исторического» путешествия Ластика в Смутное время: в рассказе алхимика Келли об одном из владельцев алмаза, погибшего, когда его *ужалила гадюка* [Акунин, 2005, с. 409], и перед попыткой раскалить алмаз: «Ты ведь не будешь больше упрямиться, как раньше, мой *маленький принц*? – насмешливо посмотрел он на Ластика» [Там же, с. 458]. Возможно, опосредованным звеном соотнесения текстов Акунина и Сент-Экзюпери является еще одна маркированная с точки зрения «особого мгновения» сцена: прощание Ластика и Соломки (княжны Соломоньи Власьевны) весьма напоминает прощание Маленького принца и его капризной розы. «Тихая нежность», окрашивающая оба эти прощания, имя княжны – как, впрочем, и само название акунинского романа, – дают ключ к еще одному источнику используемых в диалогии «Детская книга» временных моделей. В текстах Осипа Мандельштама концепт ВРЕМЯ и разнообразные варианты его воплощения составляют достаточно важную часть того, что называют термином «художественный мир» (ср.: [Гаспаров, 1995, с. 212; Панова, 2003, с. 359–371]). Временная составляющая мандельштамовской художественной картины мира необходима Акунину для того, чтобы подчеркнуть релятивный, антропоцентрический компонент временных моделей своих текстов.

«Фактор времени играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени. <...> Войдя в модель времени, человек внес в нее два сложных и противоречивых компонента: точку, движение, а вместе с движением и направление движения. Точка присутствия становится одновременно точкой зрения» [Арутюнова, 1997, с. 52–53]. Пытаясь зафиксировать себя в качестве стороннего наблюдателя, лирический герой текстов Мандельштама, к которым отсылает «Детская книга», тем не менее, вынужден стать участником событий: его *reference time* (аналитическое время) превращается в *event time* (время событий) (термины Г. Рейхенбаха цит по: [Апресян, 1995, с. 632]).

Амбивалентность восприятия событий прошлого и настоящего основными персонажами маркируется в «Детской книге для девочек» за счет обращения к детским классическим романам «Приключения Пиноккио» К. Коллоди и «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса. Геля, попавшая в прошлое, постоянно размышляет о необходимости говорить правду (или неправду), в зависимости от ситуации. Наказанный за лживость Пиноккио получает в качестве наказания гипертрофированное уродство. Геля, перенеся привычку говорить неправду в свое столетие, пока еще тяготится этим («Мне достался генерал Брянчанинов, ветеран японской и китайской кампаний, – врала она и сама себе удивлялась: “Это что же, теперь со мной всегда так будет? Вранье по поводу и без повода – типа профессиональный перекося супергероя?”» [Му, 2012, с. 401–402]), а на расспросы мамы отвечает сердито: «Я не зайчик. Я ослица» [Там же, с. 386] (ср. Пиноккио, превратившегося в осла из-за непрерывного потока лжи). Амбивалентное восхищение маминой способностью «врать во благо» («мама врет, как птица летает, – все-таки профессионал» [Там же, с. 396]) и критическое отношение к вранью брата и всех остальных, в том числе к своему собственному, позволяют увидеть еще только формирующуюся аксиологическую шкалу, которой пользуется Геля. Ср. смещение приоритетов на общепринятой шкале ценностей за счет включения в текст речи рассказчика непрямого дискурса Гели: «А из нелепой розовой рамочки с медвежонком, как из окошка, смотрел на них прадедушка Игнат – герой, моряк, воренок, хороший человек с паскудной кличкой Щур» [Там же, с. 392].

В качестве точки отсчета на аксиологической шкале основных персонажей диалогии «Детская книга» все еще выступает возможность исправления проступка с помощью отказа от недостойного способа поведения. Это является одним из

основных мотивов «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса [Льюис, 2012]. В переплетении языческих и христианских мотивов наиболее важным в романах Льюиса оказывается мотив принесения в жертву себя (Лев Аслан) или своих корыстных интересов (Дигори из «Племянника чародея»). Мальчик Дигори вместе со своей подругой Полли, как и персонажи «Детских книг», получают возможность путешествовать между мирами. В «Детской книге для девочек» Геля осматривает обычный дом 1914 года как музей, что делают и потомки Дигори в первой книге из «Хроник Нарнии». В романе «Племянник чародея» Дигори отказывается принести злой колдунье *волшебное яблоко вечной молодости*, которое находится в запретном для смертных саду, хотя колдунья обещает ему взамен выздоровление мамы в реальном мире. Отдав яблоко льву Аслану, хранителю добра в мире Нарнии, а не присвоив его себе и не отдав злой колдунье, Дигори вместе со своей подругой получает возможность вернуться в мир людей и вылечить маму. Ситуация с *райским яблочком*, за которым отправляются в разные времена Геля (Поля) и Ластик, практически зеркально повторяет ситуацию с Дигори и его подругой Полли. Отсылкой к текстам Льюиса является обыгрывание в «Детской книге для девочек» названия второй части «Хроник Нарнии» – «Лев, Колдунья и платяной шкаф». В прошлом, в которое попадает Геля, постоянно упоминается сходство ее прадедушки со львом (правда, несколько облезлым). В роли Колдуньи выступает Фея Снов, отправляющая Гелю в прошлое. Прозаическая ассоциация с платяным шкафом оказывается неожиданно очень важной для Гели, поскольку от возможности ее перевоплощения с помощью содержимого этого шкафа в Полю Рындицу, собственную прабабушку, зависит успех путешествия в 1914 год и обнаружение «райского яблочка».

Спорность аксиологического статуса яблочка позволяет авторам уйти от однозначного ответа на основной вопрос детской литературы. Аксиология заменяется телеологией: «Cui prodest?» Таким образом, романная диалогия Бориса Акунина и Глории Му выгодно отличается от многих сочинений детской литературы, характеризующихся назойливой назидательностью. При этом нельзя сказать, что мир Акунина – Му лишен абсолютных ценностей. В «Детской книге для девочек», например, никакому релятивизму не подвластны интерес к своему роду, любовь к предкам.

Литература

- Акунин Б. Детская книга. М., 2005.
- Акунин Б. Разговор беллетриста с писателем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://borisakunin.livejournal.com/107938.html> (дата обращения: 25.08.2013а).
- Акунин Б. Тест на объективность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://borisakunin.livejournal.com/107554.html> (дата обращения: 25.08.2013б).
- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 3 т. М., 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629–650.
- Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 51–61.
- Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995.
- Десятов В. Русский Бог (Борис Акунин и Василий Шукшин) // Филология и человек. 2010. № 3.
- Карпухина В.Н. Трансформации темпоральных характеристик текстов художественной литературы в процессе межкультурной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4.
- Карпухина В.Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: монография. Барнаул, 2013.

- Льюис К.С. Хроники Нарнии: начало истории. Четыре повести: Племянник чародея. Лев, Колдунья и платяной шкаф. Конь и его мальчик. Принц Каспиан. М., 2012.
- Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1.
- Маяковский В.В. Избранные сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2.
- Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. М., 2009. Т. 1.
- Му Г. Детская книга для девочек. М., 2012.
- Панова Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.
- Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 78–95.
- Циммерлинг А.В. Логика прогноза // Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 336–347.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Children's Literature : An Illustrated History / Ed. by P. Hunt. Oxford, New York, 1995.
- Johnston R.R. Childhood: A Narrative Chronotope // Children's Literature : Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. London; New York, 2006. P. 46–68.
- Segel E. «As the Twig Is Bent...»: Gender and Childhood Reading // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. London; New York, 2006. P. 187–207.